

Ольга Нионовна Хмелева (Качулкова)

Робинзон в русском лесу

Ольга Хмелева (Качулкова)

Робинзон в русском лесу

«Public Domain»

1873

Хмелева (Качулкова) О. Н.

Робинзон в русском лесу / О. Н. Хмелева (Качулкова) — «Public Domain», 1873

«...Жизнь человека — длинный путь с многочисленными трудностями и препятствиями. Оглядываясь на то, что уже пройдено, он учится многому, начинает больше верить в собственные силы, но часто открывает и большие ошибки там, где прежде видел только разумное, хорошее и приятное дело. В моей жизни было, разумеется, не одно заблуждение, которое я понял только гораздо позднее, но одно из них имело такие важные последствия, такое влияние на всю судьбу мою, что теперь, когда я уже стар и сед, я не могу не поделиться воспоминаниями о нем с моими соотечественниками. Может быть, в правдивой повести о моих мечтах и фантазиях и о том, как горько разбились они о жестокую действительность, какой-нибудь юный фантазер найдет для себя благое предостережение, а падающий духом встретит живой пример того, что нет в мире положения, из которого не вывела бы человека твердая решимость, настойчивость и неутомимый труд...»

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Качулкова

Робинзон в русском лесу

Глава первая

Я и мои воспоминания. Мой характер. Рисковое увлечение. Мой пособник. Безумство, имевшее множество неожиданных последствий

Жизнь человека – длинный путь с многочисленными трудностями и препятствиями. Оглядываясь на то, что уже пройдено, он учится многому, начинает больше верить в собственные силы, но часто открывает и большие ошибки там, где прежде видел только разумное, хорошее и приятное дело.

В моей жизни было, разумеется, не одно заблуждение, которое я понял только гораздо позднее, но одно из них имело такие важные последствия, такое влияние на всю судьбу мою, что теперь, когда я уже стар и сед, я не могу не поделиться воспоминаниями о нем с моими соотечественниками. Может быть, в правдивой повести о моих мечтах и фантазиях и о том, как горько разбились они о жестокую действительность, какой-нибудь юный фантазер найдет для себя благое предостережение, а падающий духом встретит живой пример того, что нет в мире положения, из которого не вывела бы человека твердая решимость, настойчивость и неутомимый труд.

Не думайте, что я начну вам рассказывать историю бедствий и ошибок одинокого, покинутого ребенка. Напротив, детство мое было самое счастливое, окруженное всем, что только может дать судьба для полного счастья.

Семья у нас была большая. Жили мы в своем большом родовом имении. Отец очень любил нас всех, но ему было некогда особенно много заниматься нами. Хотя он был помещик и всегда жил в деревне, но далеко уже ушел от того странного типа помещиков, которые мирно и жирно поедали хлеб, выработанный по первобытному способу крепостными хлебопашцами. В свое время он много читал и учился, и однажды придя к мысли, что природа есть материал, из которого человек должен всеми способами создавать условия для своего благосостояния и счастья, – твердо и усердно принялся проводить ее в исполнение. Земли, воды и лесу у него было много, и вся жизнь его стала непрерывной полосой энергичной и полезной деятельности. Он сеял травы, разводил скот, установил правильное лесное хозяйство, завел кожевенный завод, лесопилню, мельницу. При такой деятельности его, разумеется, часто не бывало дома, и вся наша домашняя жизнь велась под руководством матери. Это была женщина тоже прекрасно образованная, энергичная, умная и в то же время поражавшая каждого чрезвычайной нежностью и добротой.

Пока позволяло здоровье, она никого не допускала заниматься нашим воспитанием и учением. Старший брат мой, Анатолий, бывший уже студентом в то время, с которого я начинаю свой рассказ, сестра Саша, учившаяся уже в институте, да и сам я и мои две младшие сестры, все это были ее ученики. Только для летних прогулок и для порядка в детских жила у нас старушка немка Августа. Ивановна.

Со стыдом вспоминаю я теперь свои занятия с матерью, ее терпение и мою непобедимую лень и рассеянность. Я очень рано выучился грамоте и пристрастился к чтению. Этот легкий способ перемещаться из страны в страну, не двигаясь с места, делить с героем его труды, подвиги и триумфы был мне чрезвычайно по сердцу, но все, что требовало хотя бы самой

ничтожной усидчивости или самого легкого труда, было уже решительно не в моем вкусе. Сначала отец хотел, чтобы я приготовился и даже прошел дома несколько классов реального училища. Но постоянные дурные отзывы матери о ходе моих занятий заставили его изменить намерение. В то время военное образование стояло гораздо ниже гражданского, и меня решили отдать в корпус.

Я слегка огорчился, мне было стыдно, но скоро возможность отдать еще больше времени чтению всего без разбору утешила меня окончательно. От природы я был великий фантазер, способный увлекаться чем попало. На беду, книги мне попадались не детские, а по большей части старинные романы со сказочно богатыми, сильными и храбрыми героями. Поэтому, когда я закрывал книгу и вынужден был обратиться из могучего рыцаря-барона в обыкновенного и даже довольно плохого мальчика, которому часто доставалось за лень и рассеянность, то просто начинал скучать и тяготиться своей жизнью. Мне казалось, что и дом у нас не хорош, и свободы мне дают мало, и сестры мои глупы.

Я стал любить уединение и если не читал, то был способен лежать по целым часам неподвижно и сочинять тысячи самых безумных, нелепых планов и историй, и все они клонились, разумеется, к тому, чтобы избавить меня от моей «горькой», «обыкновенной участи».

На счастье, или несчастье, на одной из полок нашей библиотеки мне попало описание путешествий Дюмон-Дервиля. Сначала меня очень заинтересовал атлас рисунков, а затем сами описания. Вероятно, не малую роль играло и то сознание, что все здесь было «истинная правда». Я принялся читать путешествия с обычным безмерным увлечением. Теперь, вместо какого-нибудь графа Монте-Кристо, я воображал себя великим исследователем, цивилизатором и благодетелем целых стран, искренне забывая при этом, что сам цивилизатор, который собирался благодетельствовать, не умел найти страны на карте.

Я окончательно уединился от сестер и взрослых в семье, по-прежнему ленился, но мечтал уже не лежа, а выделявая ножом разные штуки наподобие оружия дикарей. Эта новая затея заставила меня свести дружбу со старым столяром Михайлов и сыном камердинера моего отца, Васей.

Вася рос вместе с нами и впоследствии сыграл важную роль в моей жизни. Отец его был раньше крепостным человеком моего отца, но и после освобождения крестьян они на всю жизнь остались и господином, и слугой, и взаимно преданнейшими друзьями. Мать Васи умерла, когда ему было пять лет. Отец мой тотчас же велел взять его «в горницы». Его стали одевать в наши поношенные платья, кормить остатками от нашего стола и допускать играть с «барчуками». По тогдашнему мнению взрослых людей, это была великая милость и честь для сына крепостного человека. Но мы, дети, к счастью, не замечали ни размеров этой «милости», ни той разницы, какая существовала между нами и Васей. Для нас он был просто товарищем игр, а иногда и предметом зависти, потому что пользовался большей свободой, чем мы.

Мы смиренно сидели в классе, а Вася до хрипа кричал в хлебных сараях, загоня птиц в силки, которые плел и расставлял по крышам с великим мастерством. Мы, скромно стоя на плоту, удили мелкую рыбу, а Вася бойко разъезжал по озеру в челноке, забираясь в тростники и возвращался с крупными лещами, плотвой и язями. Как же было не завидовать детскому умишке такой блаженной свободе.

Между мной и Васей была огромная разница. То, что у меня было робкой мечтой или неясной фантазией, у него тотчас же обращалось в дело. На разные мелкие ручные поделки он был великий мастер. Если где-нибудь в селе появлялась замысловатая скворечница, или чучело с ветряной трещоткой в огороде, или шумливая водяная мельница на ручье – нечего было и спрашивать, кто это сделал.

Моя фантазия делать оружие на манер разных дикарей, разумеется, встретила в нем большое сочувствие и усердное содействие. Старика Михаилу тоже забавляли более или менее остроумные приспособления, особенно когда я приправлял их интересными рассказами о том,

«какие люди живут за морями». Я стал подолгу засиживаться в столярной и кое-как научился владеть инструментом.

Между тем ученье мое шло по-прежнему безнадежно плохо. В один из приездов отца мать снова жаловалась на меня и рассказала о моей новой фантазии работать в столярной.

– Так что ж – и пусть сидит и работает, – ответил он сухо, – это лучше, чем валяться по диванам и уж решительно ничего не делать. А только вот что я тебе скажу, Надя, думал я продержат его дома лет до пятнадцати, пока он сложится и окрепнет, но теперь вижу, что это просто невозможно. Он сам теряет попусту время, да и тебя измучил. Осенью свезу его в корпус.

Эта перспектива не особенно мне нравилась. Я просто испугался и несколько одумался. Способностями меня Бог не обидел. Я стал работать очень усердно и скоро не только утешил, но даже привел в восторг мою бедную мать.

У моей матери был двоюродный брат, человек еще молодой, не глупый, богатый и беззаботный. Зимой он проводил в Петербурге, но перед Пасхой переселялся в свое имение, соседнее с нашим. Впрочем, большую часть времени он проводил у нас потому, что был очень дружен с родителями.

Этот холостяк и богач дядя являлся всегда с целыми возами всевозможных подарков.

Мне шел уже тринадцатый год, и на этот раз дяде вздумалось приурочить свои подарки к моему возрасту. Через несколько дней после его приезда, когда привезли его багаж, он подарил мне отличное английское ружье со всем охотничьим набором, полный комплект не игрушечных, а настоящих инструментов плотника и столяра и несколько хороших, роскошно переплетенных книг.

Весь вечер прошел в рассматривании, похвалах и благодарностях. Мы, дети, даже несколько опоздали лечь спать. Однако сестер скоро увела из-за чайного стола Августа Ивановна. Я один остался в столовой и лениво допивал свой стакан. Смежная комната была будуаром моей матери. Тотчас после чаю отец ушел в кабинет к своим счетам и бумагам, а мать увела дядю к себе. Между ними завязалась сначала просто веселая болтовня, но скоро они перешли к серьезным семейным делам.

Они, вероятно, забыли обо мне, и я невольно подслушал разговор, имевший впоследствии влияние на всю мою жизнь.

– А что Сергей? – вдруг спросил дядя, – вы писали, что он за последнее время начал чудить по-новому?

– Да, мальчик очень заботит меня, – грустно проговорила мать, – это просто не человек, а какое-то ходячее увлечение. Все решительно он делает как-то порывом! А это не предвещает ничего доброго! То ленился и целыми днями лежал и о чем-то думал. Потом принялся столярничать. Теперь новый припадок: с некоторых пор стал так учиться, что просто поражает и меня, и отца. Способности у него прекрасные, но я боюсь, что это полезное увлечение протянется недолго!

Мне стало как-то жутко... стыдно за себя, жаль мать. Но я сидел и продолжал слушать.

– Вот теперь, – снова начала она, видимо, старалась говорить как можно громче, – я, разумеется, очень благодарна вам за внимание к сыну, но, признаюсь, ваши подарки очень озаботили меня! Заметили вы, до чего он обрадовался ружью? Теперь он станет целыми днями думать о нем и возиться с ним, а значит, опять забросит ученье. Да дай Бог еще, чтобы, при его рассеянности, эта игра с оружием не окончилась чем-нибудь ужасным!

– Полноте, кузина, – горячо заговорил дядя, – как вы до сих пор не видите, что это ребенок с необыкновенными задатками, что он не может улесться в рамки всех детей вообще. Вы почему-то тоскуете, что он не будет у вас гладеньким гвардейским офицером или усердным чиновником, но что за несчастье, если он станет великим путешественником или изобретателем? Что касается ружья и инструментов, так ведь он мальчик, пусть и развивается по-мужски!

Вы говорите, что он горяч, но уверяю вас – ничто не учит так хладнокровию и самообладанию, как ружье. А что касается учения, то мы не дадим ему его забросить. Я сам стану учить его стрелять, но поставлю кое-какие условия. А через месяц придет Анатолий и освободит вас от трудов с ним.

В эту минуту в столовую возвратилась Августа Ивановна и отправила будущего великого изобретателя спать.

Добрый дядя! – он говорил так, чтобы утешить мою бедную мать! Но он не знал, какой безумец его слушал, и какие горькие последствия имели его слова даже для той, кого он хотел ими утешить!

Я долго не спал в эту ночь и все раздумывал, что значило дядине слово «рамки» и чем я лучше других детей и особенно моих «глупых» сестер, и заснул очень довольный собственной персоной.

Однако опять залениться мне не дали. Дядя сам ходил стрелять со мною сначала в цель, которую мы устроили на гумне, затем даже и в птиц, сам обновил со мною все инструменты в столярной; зато сам же присматривал и за тем, как я готовлю уроки. На каникулы приехали Анатолий и Саша, и тут мне стало решительно невозможно или размечтаться, или просто полежаться, потому что я был предметом общих забот в семье, предметом, который нужно было спасать от губительных последствий лени.

Впрочем, я быстро сам понял непосредственную выгоду хорошего учения. Все стало со мною гораздо приветливее, даже отец.

Лето оказалось для хозяйственных дел отца замечательно счастливым. Сенокосы удались как нельзя лучше, первые умолаты доказали, что урожай окажется превосходный, скот отлично выходился и заметно приумножился. Отец был чрезвычайно в духе.

Весельчак дядя все уговаривал его отпраздновать такую счастливую осень каким-нибудь особенным удовольствием и, наконец, предложил «тряхнуть помещичьей стариной» – устроить охоту на отъезде поле. По его ходатайству решено было взять и меня.

Местом охоты выбрали рощи верст за двадцать от нашего села, где было много зайцев и всякой дичи. В несколько дней весть о нашей затее и приглашение принять в ней участие облетела всю окрестность. Дня за два стали к нам съезжаться дальние соседи с ружьями и собаками. Наш всегда скромный и тихий дом словно переродился. Везде стало шумно илюдно, слышались охотничьи рассказы и анекдоты, громкий хохот, отрывистые команды, под которые хорошо дрессированные собаки выделяли разные удивительные штуки.

Меня на целую неделю освободили от занятий. Да и едва ли мог бы я чему-нибудь выучиться за эти дни. Я был точно в чаду. Множество чужих лошадей во дворе, десятки ружей разных систем, дрессированные собаки, байки охотников, – все это поглощало меня всецело днем, а ночью... я по обыкновению мечтал и фантазировал.

Наконец на рассвете одного дня меня поспешно разбудил и одел Вася. Все охотники закусывали и пили чай в столовой. Мать моя была тоже там. Она сама очень заботливо накормила и напоила меня, а когда мы стали прощаться, она благословила меня с той скрытой тревогой в глазах, которую я часто подмечал в них, когда у нас в доме кто-нибудь заболел серьезно. Но я тогда не умел оценить этой тревоги!

Я почти вырвался, побежал к себе, надел свой новенький щегольский ягдташ, пороховницу, дробницу, нож и все остальные охотничьи доспехи. Все это было лишь излишним грузом мне и лошади и могло бы доехать до места охоты на одной из телег. Теперь я понимаю, что был смешон и жалок, но тогда мне мерещились охотники Арканзаса и нестерпимо храбрые герои Майн Рида.

На месте охоты нас уже ожидали телеги с тенетами и целые толпы крестьянских мальчиков-погонщиков. Тенетами называется сетка в сажень шириной и несколько десятков сажень длиной. Ее ставят полукругом по опушке какой-нибудь рощи или леса, прикрепляя к деревьям,

кустам и кольям. Особенно следят за тем, чтобы нижний край приходился плотно к земле. Затем погонщики, отойдя за версту, за полторы, становятся также полукругом и с криком и трещотками бегут обратно к ним. Все зайцы и лисицы, которые были в этом кругу, бегут от шума и попадают в сети тенет. Охотникам остается только убивать их.

Но дяде и отцу скоро надоела эта охота, скорее похожая на хищническое истребление. Мы стали охотиться без тенет, исходили огромные пространства, подкрепились тем, что нашлось в ягдташах, и только к вечеру, когда уже стемнело, вышли на поляну, среди которой расположился наш лагерь.

Никогда в жизни не забуду того восторга, в который привел меня его вид. В сумраке ярко пылало несколько костров. Два огромных шалаша отбрасывали колоссальные тени, невдалеке чернели фигуры лошадей, привязанных к телегам. По мере того, как подходили охотники, картина все более и более оживлялась. У всех лица были веселые, оживленные движением. Это было так похоже на лагерь переселенцев в какую-нибудь необитаемую страну.

Я наскоро поужинал и забрался в шалаш. Мне было тепло, мягко, я ничего не боялся и, разумеется, фантазировал.

– Что за прелестная жизнь! – думалось мне. – И отчего бы отцу не жить так постоянно! Что ему за охота, то ездить по скверным дорогам, то проводить ночи за счетами, чертежами и скучнейшими книгами по химии! Вот и меня так мучают! Ну зачем мне знать какую-то таблицу умножения, геометрию, физику! Вон сколько здесь людей, и живут они, и счастливы без этой премудрости.

Я заснул среди таких радужных мыслей.

Второй день охоты прошел точно так же, как и первый, но на третий произошло одно обстоятельство, которое окончательно вскружило мою несчастную голову.

Обойдя все рощи, на третий день мы перебрались к опушке большого бора. Дядя заранее предупредил меня, что на этот раз дело гораздо серьезнее, что в бору можно попасть и на медведя.

Охота шла своим чередом. Загонщики и собаки оцепили «остров» с одной стороны, мы, охотники, стояли с другой. Мрачный и спокойный лес вдруг наполнился звоном детских голосов, собачьим лаем, резким звуком трещоток.

Я, по обыкновению, стоял возле дяди с ружьем наготове, сладко замирал от ожидания. Вдруг в чаще послышался тяжелый топот и треск и стал быстро приближаться.

– Смотри, Сергей, не оплошай, это не заяц! – шепнул дядя несколько встревоженным голосом, – а главное, не вздумай бежать.

По правде сказать, я именно и собирался «пойти на утек», забыв все свои фантазии и храбрость, которую чувствовал и проявлял, читая на диване Майн Рида. Но слова дяди подстрекнули мое самолюбие и заставили овладеть собою.

В эту минуту из густой чащи молодых побегов березняка, рябины и ольшаника, прямо против меня, появилась рогатая голова лося. Растерявшись от крика и треска, он неся очертя голову и если и видел нас, то, вероятно, выбрал из двух опасностей наименьшую, а потому не остановился, выпрыгнул из чащи и продолжал бежать ко мне. Я едва успел приложиться и выстрелить в то мгновение, когда он уже поравнялся со мною. Весь заряд крупной дроби засел у него в предплечье правой передней ноги. Лось сделал еще несколько отчаянных прыжков, сильно захромал и, наконец, рухнул на землю всей тяжестью своего грузного тела. Очевидно, густой град дроби перебил ему сухожилие. Дядя выстрелил почти вслед за мной и попал туда же. Вокруг вскоре собралась толпа охотников. Его тотчас же добились. Смерть лося спасла жизнь многим зайцам и лисицам. Поднялись толки и догадки. Должно быть, бедняга шел на соседнее овсяное поле и попал в наш «остров».

Я сделался героем дня. Расходившиеся охотники хвалили меня, точно все вышло не случайно, а по причине моей особой доблести. Даже отец шутливо поздравил и похвалил меня.

Я плавал в море самодовольства и все больше и больше начинал верить в то, что я юноша необыкновенный.

Вечером того же дня мы возвратились домой. Наша жизнь вошла в обыкновенную, ненавистную для меня колею. Анатолий, Саша и дядя уехали, отец хлопотал по делам. Я опять стал заниматься с матерью, но теперь уже некому было подгонять меня, и я опять заленился.

У меня появилось новое увлечение. Между книгами, которые привез дядя, была одна, которая свела меня с ума так, как я не сходил еще никогда. Это было роскошное издание «Робинзона Крузо». После охоты мне все мерещилась вольная жизнь в лесу, а тут вдруг встретил правдоподобный рассказ о том, как человек прожил один в лесу много лет. Я опять стал фантазировать. Мать несколько раз страшила меня корпусом, рассказывала, какие там строгости, какой порядок, трудная и скучная жизнь. Но я так верил в ее нежность и в то, что она не захочет отдать меня «на такую муку», что не особенно боялся ее угроз и продолжал свое.

Наконец, она пожаловалась отцу. Он был как-то особенно не в духе и не стал даже разговаривать со мной, а только сказал матери:

– В прошлом году я сдался на твои уговоры, поверил тому, что он исправился. Теперь вижу, что ошибся да и тебя измучил. В августе отвезу его в корпус – авось там человеком сделают! А безграмотных пастухов у меня и без него много.

По выражению лица и по тону его голоса я понял, что решение твердо и неизменно. Участь моя была решена! Очень пугало и мучило меня это обстоятельство. Я не спал несколько ночей, стал еще рассеяннее и все придумывал, как бы избежать того, что было теперь уже неизбежно.

Наконец, однажды вечером, начитавшись Робинзона, ночью я придумал выход! Сердце мое дико застучало от радости.

«Не удастся им сделать из меня гладенького офицера! – думал я со злорадным торжеством, совершенно забывая, что под этим «им» подразумевались моя нежнейшая мать и вечно работавший для нас отец. – Дождусь лета и убегу. Если бежать в какой-нибудь город или деревню, – меня поймают и приведут обратно. Так убегу я в лес. Жил же Робинзон, проживу и я! Стрелять я умею даже лучше его! Шалаш себе сделаю. А Пятница? – мелькнуло у меня в голове, – вдвоем все-таки как-то лучше. Эх, кабы товарища найти! Вася!» – чуть не крикнул я.

Я заснул совсем счастливый. Моя робинзоновская будущность казалась мне решенной и обеспеченной, а корпус лишился чести иметь в среде своих воспитанников «необыкновенного мальчика» и будущего великого человека.

На утро, когда пришел Вася подать мне умыться, я хитро и осторожно сообщил ему свой план. Но он замахал руками и ногами и вооружился всеми доводами, которые только мог изобрести его наивный ум.

Я несколько опечалился, но не унывал. Я был уверен, что Вася не выдаст меня, а чтобы уговорить его, у меня было впереди еще много времени. Я понемногу разбивал все доводы Васи, что было мне особенно легко с помощью Робинзона и некоторых книг путешествий. Удивительно, право, как извращенный ум человека может обратить даже полезнейшие вещи себе во вред.

Одно неожиданное обстоятельство помогло мне очень скоро убедить Васю. Слух о том, что осенью меня повезут в корпус, скоро дошел и до людских.

В один вечер Вася пришел раздевать меня с опухшими от слез глазами.

– Чего ты? – спросил я.

– Одна, видно, у нас с вами участь, Сергей Александрович! – проговорил он горько. – Заодно с вами и меня отец в Петербург в ученье повезет. В резчики отдать хочет, а я еще раньше от Матвея наслушался, как там мастеровые учат. От одних побоев человек умереть может!

Мне это было на руку! И действительно, Вася согласился бежать со мною и со свойственной ему энергией принялся готовиться к нашей будущей лесной жизни. Он стал припасать веревки, гвозди, обломки кухонных и столовых ножей. Мы задумались, как доставить все вещи на место будущего жительства. Но и тут нашли выход. Чтобы выпросить себе некоторые побрякушки в домашней жизни, я стал получше учиться. Для головы, занятой совсем иным, это стоило большого труда, но на этот раз я решился даже потрудиться, лишь бы удалось то, что я задумал. Мать была довольна мною и даже довольно охотно согласилась, чтобы я вместо обеденного моциона ходил в столярную и делал там себе с Матвеем тележку.

Бедный старик не мог надивиться, зачем я затеял такого «Язоп», как он выражался. Но я знал, что чем больше колесо, тем лошади легче везти экипаж, а этой лошади предстояло быть мне самому. Хотелось также захватить с собой из дому как можно больше необходимых вещей. А потому я настоял, чтобы колеса тележки были как можно выше, кузов узкий (чтобы проезжать между деревьями) и очень глубокий, как ни отговаривал меня Матвей. Оси, шины, шкворни и все остальные части мне сковали на кузнице при нашем кожевенном заводе, выкрасил ее один рабочий маляр-самоучка, и тележка вышла хотя и очень странная с виду, но как раз соответствовавшая моим целям.

Мы понемногу собирали спички, гвозди и особенно заботились о порохе, дроби и пулях. Дядя подарил их достаточно для мальчика моих лет, но что значило это количество для будущего лесного жителя! У меня была копилка, и в ней постепенно набралось порядочно денег. Я вскрыл ее и отдал их Васе, а он исхитрился и уговорил одного рабочего купить нам хороший запас пороха, дроби и свинца.

Наконец, в половине июня, когда все распустилось, воздух и земля окончательно прогрелись, дни стали жаркие, а ночи теплые, мы решились и назначили побег на 12 июня. Меня уже за три дня стала колотить лихорадка. Я не мог ни есть, ни спать. Вася тоже ходил бледный и мрачный.

Мой странный вид начал беспокоить мою мать. Она думала, что я нездоров. Вечером одиннадцатого она пришла ко мне в комнату, когда я лежал уже в постели, и присела на кровать.

– Что это с тобой, милый мой? – проговорила она с невыразимой, кажется, только ей одной свойственной нежностью, – не болит ли у тебя что-нибудь?

От этих звуков всепрощающей любви у меня сжалось сердце, и я весь покраснел. Только в эту минуту я вполне ясно представил себе, что должен, может быть, навсегда расстаться с матерью. Мне захотелось плакать. Я готов был признаться во всем и далеко отбросить наш безумный план, но в то же мгновение мне представился мой решительный Вася и то, что я сам уговорил его, и мне стыдно будет отказаться.

Я промолчал и только крепко, изо всех сил, обнял и поцеловал мать. Она как-то тревожно и печально глянула на меня, отбросила волосы с моего лба, поцеловала меня и проговорила:

– Да и нервный какой ты стал! Впрочем, может быть, это от роста. Ты так растешь, – со временем гигантом, должно быть, будешь. Ну, ложись. Дай я тебя закрою. Мне и самой сегодня что-то очень спать хочется; наверное, очень устала в саду.

Она закрыла меня, благословила и неспешно вышла. Я лежал и горько плакал. Теперь я уже совсем, совсем ясно понимал, что затеял глупое, злое дело, но мое мелочное самолюбие не давало остановиться вовремя и сказать Васе о моем решении прямо. Я был, как и все недостаточно вдумчивые люди, рабом такого самолюбия и действовал, как раб.

Между тем все звуки в доме постепенно затихли. Утомившаяся работой в саду, прислуга улеглась рано и скоро заснула.

Вдруг под окном моей комнаты раздался шорох и за ним три условные удара в стекло. То был Вася. Я вскочил, подбежал к окну, беззвучно отпер его и помог Васе взобраться в комнату. Тележка стояла в саду.

– Все спят, – прошептал он, – одевайтесь скорее!

Я принялся дрожащими руками натягивать на себя сапоги и платье. Вася тихонько доставал из-под кровати все запасенные нами кульки, ящики и свертки. Собравши все это на подоконник, он вылез опять в сад. Одевшись, я подошел и стал подавать ему вещи, а он укладывал их в тележку. Тяжелый ящик с инструментами доставил нам немало хлопот. Наконец, все было уложено. Я оглядел комнату. На письменном столе лежали два моих перочинных ножа, я взял их и положил в карман. Комод с бельем стоял с не совсем притворенным ящиком. Я вытащил из него что попало и спустил к Васе. Он одобрительно мотнул головой. У печки приютился довольно большой ларь из дуба. Он принадлежал моей няне. Я не знал, что в нем лежит, но думал, что иголки, нитки и лоскутья, а потому взял и подал Васе.

– Зачем? – спросил он озадаченно.

– Там все пригодится!

– Пожалуй. Только довольно, не утащить будет.

Я, однако, вернулся еще раз и выбросил два одеяла.

Так отправлялся будущий великий путешественник и просветитель диких стран на долгую лесную жизнь, – без плана, без системы, не думая, что может быть действительно нужным и что лишнее, а просто и бестолково хватая что попадает под руку.

У Васи было все уложено, и он ловко увязал воз. Я помог ему, и наконец мы двинулись в путь. Тележка оказалась на ходу действительно очень легкой. Я заметил, что предусмотрительный и практичный Вася смазал колеса салом, что очень облегчило передвижение.

Ступая как можно легче, мы тотчас же свернули в самую крайнюю аллею сада и спустились к выездным воротам. Вася отворил их мне и тихо сказал:

– Везите пока один, а я мигом догоню вас.

В стороне, в углу сада, среди густой чащи черемухи и сирени стояла баня. Вася побежал к ней и минут через десять догнал меня. За спиной его висело ружье, за поясом торчал топор. Одной рукой он держал под мышкой небольшую оконную раму, другой тащил два железных заступа.

Я остановился. Мы наскоро привязали все это к возу. Раму обернули одним из одеял.

– Откуда ты взял ружье, Вася? – спросил я.

– У отца, он стар уже на охоту-то ходить! – он отрывисто, отвернулся и сильно дернул оглобли.

Ему было стыдно. Я понял это и замолчал. Часа через два быстрой ходьбы, а подчас и бега, мы были уже далеко.

Глава вторая

Лес. Погоня. Истощение сил и голод.

Решение возвратиться. Мы заблудились

В верстах трех от нашего села начинался огромный заповедный лес и тянулся на несколько десятков тысяч десятин. Он целиком принадлежал казне. Оберегали его от порубов казенные лесничие, но и они расхаживали только по опушке, потому что были уверены, что вглубь не пойдет никто.

Между крестьян о нем ходила дурная слава. Говорили, что посреди его есть глухое озеро, а над озером высокая гора, прозванная Чёртовым Городищем, что в густой чаще тамошних столетних сосен живут и пируют лешие, а по ночам над лесом точно стон стоит от их хохота и песен. Встарь сквозь этот бор пролегала «старосмоленская» дорога, но понемногу ее покинули и запустили.

У нас в семье часто говорили об этом лесе. Отец не любил его потому, что он был приютом тысяч волков, жестоко опустошавших стада всей округности. Что касается причудливой фантазии крестьян, населявших их лешими, распевающими по ночам песни, то мы только смеялись над нею, потому что знали, что и «пели» и «хохотали» совы, которых в такой глуши было, разумеется, много.

Июньские ночи коротки и светлы, едва мы успели углубиться в лес, как начало светать. Как хитро ни задумал я тележку, а все-таки она стоила нам великих трудов, приходилось идти не прямо, а извилинами, чтобы не застрять между деревьями. Местами нам перегораживали дорогу толстые стволы буреломника, – в таких случаях мы поднимали и переносили ее на руках. Но нас подгонял страх, что нас поймают и накажут. Мы оба были в поту от труда, усталости и бессонной ночи, однако двигались вперед довольно успешно, стараясь уйти подальше в глубину леса.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, а мы все еще шли и тащили свою кладь. Наконец, вероятно, часов около восьми утра, я не выдержал, выбрал место поудобнее и бросился на мягкий мох.

– Нет, Вася, я больше не могу!

– Что ж, отдохните, тут глухо! – охотно согласился он.

Только теперь я понял всю меру своей усталости. Ныла каждая косточка, и есть хотелось нестерпимо.

– Вася, – проговорил я несмело, – а что же будем есть? Ведь у нас ничего нет!

Он тоже в изнеможении лежал возле меня с полужакрытыми глазами, но при этих словах довольно бодро приподнялся на локте. Самодовольная улыбка осветила его красное лицо с облипшими от пота волосами.

– Ну вот, вы с вашим Робинзоном, Сергей Александрович и сплеховали! – проговорил он. – Тот попал в какой-то рай земной, а мы с вами в русский бор ушли. Разница-то есть! Вы вычитывали, а я сам думал, и с голоду мы пока не пропадем!

Я просто просиял, а он привстал на колени и начал развязывать воз. Оказалось, что Вася стащил из людской столовой два каравай черного хлеба фунтов по десяти, целый окорок, десятка три вареных яиц и какую-то большую жестянку, не уложил все это на дно тележки, по» этому нам пришлось перебрать всю свою поклажу.

– Уж нечего сказать, принял я греха на душу, – добродушно каялся Вася, – яйца-то мне тетка дала. Я у нее их четыре дня все выпрашивал. Каждый день говорил, что на озеро поеду и рыбы ей привезу. И ездил, и возил, а яиц не ел, все прятал! А в жестянке этой зерно, фрукты

сушеные, – грешный человек, – в кухне стащил уж совсем вечером. Верно, повар с ключницей забыли. Да вот и квасу две бутылки, от господской окрошки в буфете остались.

В другое время я прочел бы Васе дружеское назидание и не дотронулся бы до такой провизии, но теперь был рад его проделкам, как, вероятно, радуется кошка стащенному кусочку мяса.

Мы поели и решили поспать час-другой. Солнце уже перебралось за полдень, когда меня поспешно растолкал Вася.

– Вставайте скорее! – говорил он, – в лесу стреляют, верно нас ищут!

Я вскочил, почти не замечая, как болят мои непосильно утомленные кости. Мы наскоро связали воз и пошли все глубже и глубже в лес. Выстрелы постепенно затихли вдаль. После четырех часов усердной борьбы с препятствиями мы снова сделали привал. На этот раз вскрыли жестянку, думая полакомиться. Но каково же было наше разочарование, когда вместо сушеных фруктов в ней оказалась крупная поваренная соль. Впрочем, Вася скорее обрадовался этому приятному открытию, да и сам я понял, что останься мы в лесу без соли, – что стали бы мы делать? У Робинзона было под рукой море со своей соленой водой, которую стоило только выпарить на жарком и южном солнце, а у нас ничего подобного даже не предвиделось!

На этот раз мы уже не ложились, а решили идти вперед до ночи. Наконец стало смеркаться. Мы выбрались на небольшую поляну, на которой было посуше и не так много бурелома.

– А ведь пора подумать и о ночлеге, Сергей Александрович, – проговорил Вася, останавливаясь, – не знаю, как вы, а я совсем выбился из сил! Только как же мы ночевать-то будем? Ведь здесь глушь такая, что сюда уходит на лето всякий хищный зверь. Того и смотри, наскочат на нас волки, а еще того лучше – сам Михайла Иванович Топтыгин. Робинзон спал на дереве, а мы лучше разведем костер, зверь ночью боится огня.

– Не зажечь бы нам весь лес, Вася. Видишь, как сухо, ведь тогда мы погибнем самой ужасной смертью! – проговорил я.

– Этого бояться, так и в лес не ходить, – ответил он, – нужно просто расчистить лопатами большой круг и костер развести посредине.

Благо тому, кто не испытал непосильного труда, кто не переживал таких минут, когда с одной стороны чувствовал полный упадок сил, а с другой – сознавал неумолимую необходимость продолжать работу! В этот вечер я пережил первое такое испытание в жизни. Я устал до полного изнеможения, кости ломило, руки покрылись мозолями, горели и щипали немилосердно! Однако пришлось взять заступ, из страха быть растерзанным или живьем сгореть, и этими наболевшими руками прокопать добрых полтора часа. Описать это чувство почти невозможно. Тут и злоба, и горе, и что-то похожее на отчаяние, и чисто физическая боль. Будущий великий цивилизатор тайком от Васи, который стал тоже что-то очень молчалив, не раз всплакнул, но все-таки продолжал работать ради спасения своей жизни.

Наконец мы зажгли костер, уселись и поели. Квасу осталось только полбутылки.

– А всё-таки обоим вместе нам ложиться нельзя, – сказал Вася, заканчивая ужин. – Настоящий дикий зверь так боится огня, что будет бродить и злиться вокруг, а близко все-таки не подойдет. Но здешние волки дело другое, они народ бывалый, только на начало лета уходят в глушь, пока в ней много детенышей у всякой твари, а потом больше имеют дело с пастухами и многому уже научились, на многое осмелились. А у нас еще на беду окорок есть. Этот дух для них приманчив. Мы лучше вот как сделаем, Сергей Александрович: вы зарядите ружье и сядьте поближе к огню, а мне дайте заснуть сначала. Я посплю чуток, потому встану, тогда уж вы и спите на здоровье сколько вздумаете.

Я согласился. Мы подбросили хвороста в костер, заготовили на ночь еще добрую кучу, я зарядил ружье и уселся, а Вася бросился на землю и через минуту уже спал мертвецким сном.

Теперь, то прислушиваясь к тому, как тяжело ныли мои кости, то вздрагивая от ночных звуков, я имел достаточно времени обдумать, что я затеял и что ждет меня впереди. Между тем

окончательно стемнело. Может быть, на открытом месте и была видна на западе уже потухающая заря, но под густым покровом хвойных ветвей вековых сосен установилась непроглядная, как смоль черная, тьма. Лишь в круг, который охватывал своим светом костер, стройными колоннами выступали могучие стволы, да неясным, капризным узором мелькала между ними легкая листва подлеска – рябины, березы и ольхи. Сначала вокруг все было тихо. Слышался лишь монотонный и негромкий шум леса, да по временам потрескивал костер. Но вот постепенно лес стал наполняться своей таинственной и кровожадной ночной жизнью. Сначала послышался грузный и неуклюжий взмах крыльев, шелест раздвигаемых ветвей, затем жалобный писк, и все смолкло. То вышла на охоту сова – непримиримый ночной враг мелкого птичьего люда, молодых зайцев, крыс, мышей и всякой слабой и неопытной твари. Но вот раздался звук и посерьезней. Где-то вдали завыл волк. Вой все приближался, слышны были даже прыжки. Я сильно вздрогнул, инстинктивно протянул руку к Васе, но вовремя удержался. Вероятно, волка влекла жадность и злоба, но он испугался непривычного в этих местах огня и пробежал мимо. Вдруг по лесу загудел адский хохот. Эхо подхватило его и глухо понесло дальше, а с другой стороны ему вторил такой же не то стон, не то смех. У будущего великого изобретателя мигом вылетели из головы все его познания о совах, все шуточки над мужичьим суеверием. Я замер в холодном оцепенении и ужасе и до сих пор дивлюсь, как я тогда не помешался! Переключка сов и вой волков продолжались довольно долго. Но вот в вышине поднялся сильный шум. Налетел свежий ветер и зашатал могучих великанов. За ним не было слышно звуков первых капель дождя, но вскоре они пробрались сквозь хвойный навес, шипя, испарялись в пламени костра и, с безжалостной быстротой впиваясь в мое платье, холодили мне спину, грудь, руки и ноги.

Боже мой, Боже! Еще вчера в эту самую пору я лежал в чистой и мягкой постели, в прочном, прекрасном доме, в котором не могли бы меня промочить, кажется, все сорокадневные дожди потопа. А теперь! Точно зверь или заброшенная собака! У меня не мог попасть от дрожи зуб на зуб. А эти совы, волки! Да и что будет дальше? Скоро ли и как мы устроимся? Соли не станет! Воды и теперь уже нет! Господи, Господи, да что же это! Нет, так жить нельзя! Завтра же объявлю Васе, что хочу домой, и что бы он там ни говорил, пойду к отцу и матери. Пусть не только в корпус, а хоть в солдаты отдадут. В корпусе три, четыре года – и я свободный человек, сытый, в тепле и чистоте, а здесь вечная, непосильная работа, голод, холод, грязь!

Наконец я не выдержал и разбудил Васю. Спросонья он не мог сначала понять, где он и что с ним, однако, услышав мой плачущий голос, опомнился, вскочил и стал утешать меня. Я, заливаясь слезами, объявил, что хочу домой и завтра же пойду туда. Вася радостно согласился. Это решение успокоило и приободрило нас, но тут обнаружилось, что кончился хворост. Пришлось таскать его, рискуя попасть волку в зубы. Поэтому один из нас светил большой головней, а другой таскал ветки и сучья. Теперь в лесу все вымокло, и не страшно было заронить искорку и поджечь его. Было еще темно, когда я завернулся в одеяло и улегся возле костра на таком расстоянии, чтобы не сгореть.

С тех пор прошло много лет. Много ночей пришлось мне провести без сна за трудной работой, но ни одна ночь в жизни не казалась мне такой мучительно долгой, как первая ночь после побега из родительского дома.

Глава третья

Возврата нет. Мученья жажды.

Озеро. Мы решаемся остановиться

На другой день, когда я проснулся, у меня болело все тело и в особенности ноги и голова. День стоял пасмурный. Дождь моросил не переставая. На всем лежал какой-то серый, унылый отпечаток. Но теперь нам было все равно – мы знали, что через несколько часов опять будем дома в тепле и холе. Мы наскоро поели и стали готовиться. Намозоленные накануне руки так болели у обоих, что тащить тележку за оглобли оказалось невозможно. Мы отрезали конец веревки и устроили нечто вроде лямки. Один из нас поочередно надевал ее на шею и пропускал под мышки. Руками приходилось слегка придерживать оглобли, чтобы они не тащились по земле, и действовать ими лишь на поворотах. Другой подталкивал тележку сзади.

Нигде человек так легко не сбивается с направления, как в лесу. На открытом месте, даже в степи или в пустыне, он может руководствоваться и солнцем, и какой-нибудь точкой на горизонте, наконец, звездами. В лесу все это невозможно. Горизонта нет, сквозь чащу невозможно рассмотреть расположение звезд, даже по солнцу можно ошибиться. Сам же лес так бесконечно разнообразен в мелочах и в те же время так монотонно одинаков в общем, что руководиться какими-нибудь приметами можно на очень незначительном пространстве. Мы сообразили это и, посоветовавшись, решили отыскать свои следы и идти по ним.

Мы решительно не помнили, с которой стороны пришли, и немалого труда нам стоило разыскать конец собственного следа, однако им пользоваться нам пришлось не долго. Вчерашняя дорога, благодаря тележке, была чрезвычайно извилиста. Кроме того, и мох, и трава под дождем встали опять так же пышно и сочно. Мы долго путались, бились и ошибались и кончили, наконец, тем, что побрели наугад.

Погода упорно держалась пасмурная, дождливая. Мы не могли руководиться даже солнцем. Закусывая утром, мы допили последние капли кваса, а между тем после соленой ветчины и сухого хлеба так хотелось пить!

Сначала мы переносили жажду довольно стойко. Вася первый признался, что ему «до смерти пить хочется», но тут же заметил, что можно и потерпеть. Однако через полчаса он остановился, сбросил с себя лямку и, подойдя к молодой березе, начал облизывать мокрые от дождя листья. Сначала я рассмеялся, но потом принял и сам за то же. Но разве можно утолить жажду измученного человека дождевыми каплями. Это только увеличивает мучения.

Я беспомощно оглянулся вокруг, и вдруг мне вспомнилось, что мох очень гигроскопичен, что благодаря ему, по земле текут целые реки прекрасной чистой воды. Я нагнулся, вырвал клоч мха и попробовал сосать. Он, разумеется, был немного влажен, но там же были и сор, и букашки, а это было очень противно!

Вася осторожно потянул к себе одну из высоких ветвей березы, но маленький отросток, за который он ухватился, оказался недостаточно прочным и оборвался. Большая ветвь быстро выпрямилась и обдала нас целым градом крупных капель.

– Постойте, я что-то придумал! – вскричал вдруг Вася. Он побежал к возу, развязал его и вытащил чистую простыню, которую я взял, бесцельно хватая что попало из комода. Мы сложили ее вчетверо в большой квадрат. Вася держал ее, растянув на двух палках, а я встряхивал над нею мокрые ветки. Когда она сильно намочила, мы стали думать, во что выжать воду? В бутылку? Но горлышко было слишком узко, и много драгоценной влаги пропало бы даром, стекая на землю.

– Нужно рискнуть одной бутылкой, – сказал я и, обернув ее носовым платком, горлышком ударил о ствол дерева.

Стекло разбилось, но так удачно, что получился большой, глубокий стакан, хотя и с острыми и неровными краями.

Мы стали осторожно выкручивать простыню над посудиною до тех пор, пока она не наполнилась водою. Тогда мы напились по очереди и тотчас же принялись снова за дело, боясь снова очутиться без воды.

На добывание воды мы потратили немало времени. Пасмурный день померк как-то особенно быстро.

Трое суток пробродили мы по лесу, питаюсь только маленькими кусочками хлеба и добывая воду через простыню. Хорошо еще, что погода стояла все время дождливая, иначе бы мы погибли от жажды.

Вообще я удивляюсь, как мы тогда не потеряли головы, не бросили страшно нас тяготившую тележку, так как она была нам не нужна вследствие нашего решения идти домой, и вообще не наделали гибельных безрассудств. Может быть, именно потому, что потеряли от страха и горя всякую способность размышлять. А в нашем ужасном положении действительно трудно было определить, что умно и полезно, а что глупо и губительно.

Наконец, уже на пятый день безнадежного странствования, ландшафт начал заметно меняться. Деревья стояли реже, между ними начали чаще попадаться лиственницы.

– Даст Бог, и конец ему близко! – заметил Вася, – полезу на дерево, посмотрю, не увижу ли дороги до хоть какой-нибудь деревни.

Он взобрался на самую высокую сосну. Я стоял внизу и нетерпеливо ждал.

– Ну, что там? – крикнул я, когда он был наверху.

– Ничего, барин! – отвечал он, – повсюду лес! А вот что хорошо – отсюда озеро близко.

– Нечего сказать, хорошо! – повторил я, – ведь ты слышал, говорят, что это озеро самая середина леса, самая глушь безвыходная! Да постой, я и сам залезу.

– А ведь и в самом деле! – говорил он между тем, – вон на озере и гора. Это Чертово Городище! Знать, кто-нибудь хоть из прадедов тут бывал и назад воротился, значит, воротимся когда-нибудь и мы.

Я поравнялся с ним и укрепился даже несколько выше. Действительно, всюду, сколько мог охватить взгляд, нас обступало беспредельное море темно-зеленых вершин! Лишь в одном месте цвет его заметно светлел. То были лиственные деревья, как рамкой обступавшие покатые берега зеркального озера, лежавшего в глубокой длинной котловине.

Я долго и безнадежно смотрел на окрестность, потом молча полез вниз. Вася спустился за мной.

Итак, почти четыре дня отчаянных усилий выбраться пропали даром.

– Ну, что теперь девать, по-твоему? – мрачно спросил я.

Мы уселись и начали советовать и решили, что мучиться днем и проводить такие ужасные ночи, словом, жить так, как мы жили эти четверо суток, было решительно невозможно. Между тем и отказаться от надежды возвратиться домой ни один из нас не хотел. Поэтому нам следовало воспользоваться близостью воды, пойти к ней, осмотреться и построить себе хоть какое-нибудь временное логово, а затем уже оттуда выходить каждый день в одном направлении, постоянно делая зарубки на деревьях и с каждым днем все дальше и дальше. Таким образом мы надеялись медленным, но верным путем выбраться хоть на какую-нибудь из окраин леса.

План наш казался очень основательным и разумным, но недаром говорят русские сказочники: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

Глава четвертая

Озеро. Его свойства и окрестности. Наши соседи. Мы начинаем строиться. Сырость. Уголь. Смола

Окончив совет, мы тотчас двинулись к озеру и вскоре очутились на довольно крутом спуске к берегу. Чтобы не пришлось опять втаскивать тележку на гору, если поселиться на берегу окажется неудобным, мы оставили ее под деревом и пошли к озеру налегке.

Чем глубже мы спускались в котловину, тем заметнее изменялись почва и растительность. Очевидно, когда-то, в незапамятные времена здесь была огромная гора. Вследствие какого-то подземного переворота она разошлась надвое, а между ее частями образовался провал. Теперь я понимаю, что гибели горы способствовала мощная подземная река, которая, постоянно подмывая основание, истощила его до того, что гора, наконец, не выдержала собственной тяжести, подземные своды обрушились на дно глубокого русла и загромождили его. Вода, прибывавшая с верховьев, быстро наполнила впадину и образовалось озеро. Дожди и потоки тающего «снега стаскивали землю к подножию обрыва, на скате постепенно появилась растительность; вымирая, подмываясь во время бурь и ливней, она скатывалась туда же. На месте крутого обрыва постепенно образовался пологий откос. На вершине оставался песок, поросший хвойными деревьями, но чем глубже к котловану, тем больше отложений чернозема – несомненного остатка перегнившей растительности. Там росли деревья, требующие более тучной, рыхлой и влажной земли – черемуха, рябина, липа, ясень.

Когда мы спустились к берегу, чтобы напиться и умыться, то обнаружили еще два не совсем для нас удобные свойства озера – берега поросли густым тростником и вода между ними была мутная. Едва Вася вступил в воду, как провалился чуть не выше пояса и еле успел выбраться, потому что ноги его стали вязнуть в тинистом дне.

– Э, дело-то выходит дрянь! – проговорил он с философским спокойствием, стряхивая грязь и воду. – Это называется: и близок локоть, да не укусишь! Придется строить плот, а пока процеживать воду. А что здесь тростники, так это дело тоже не худое. И рыба и утка тростник любят, значит, сыты будем!

Мы довольно долго бродили вокруг озера, но когда захотелось есть, снова поднялись к тележке. К моей неопишуемой радости Вася, раскладывая все, вытащил оттуда довольно большой чугунный котелок.

Положительно, этот безграмотный мальчик оказался умнее и предусмотрительнее своего ученого и начитанного друга!

– Вася! – вскричал я и радостно, и укоризненно, – да что же ты думал, когда мы собирали воду с деревьев и разбили бутылку! Ведь в котелок-то гораздо легче было бы выжимать простыню, да и бутылка осталась бы цела.

– Ваша правда, Сергей Александрович, – проговорил он, сконфуженно улыбаясь и почесывая затылок, – должно быть, одурел я тогда от страха и горя. Ну, да уж то прошло, а котелок свою службу нам сослужит, пока мы доберемся домой. Теперь вы тут останьтесь и приготовляйте есть, а я пойду вниз за водой да кстати захвачу топор и порасчищу тропинку, а то в этой гуще воду всю расплескаешь.

Он приладил ручку котелка к поясу, крепко затянулся им, взял топор и стал впускаться по откосу, срубая на ходу кусты и ветки, которые загораживали дорогу.

«Вот человек, который не теряет времени даром! – подумалось мне, – этот не пропадет ни в лесу, ни в миру». И вместо того, чтобы воспользоваться деликатным предложением Васи «приготовлять есть», я тоже взял топор и стал расчищать довольно широкую аллею к озеру. Топор недавно вышел из рук старика Матвея и был остер, как бритва, – работа шла успешно.

Все, что было срублено, я складывал по обеим сторонам аллеи, которую повел сажени полторы шириной так, что образовалось нечто вроде плетня. Вася провозился на озере очень долго. Не знаю, что он там делал, вероятно, размышлял о плоте. Когда он пришел назад, я успел уже расчистить саженой пять.

– А, это славно, – проговорил он, пыхтя под тяжестью котла с водою, но зато свободно шагая по расчищенному месту.

Мы умылись и стали завтракать на краю обрыва. За нами высилась уцелевшая вершина горы, внизу тихо дремало озеро, прочищенная мною аллея придавала виду что-то обихожное. В это время небо просияло; показалось солнце, облило все это таким жилым, веселым светом, так нежно пригрело нас несчастных, трое суток дрогших и мокших на дожде, что у меня на душе стало как-то спокойно и даже радостно.

Вася сидел и молча жевал хлеб с водичкой. Но, вероятно, и его охватило приятное сознание физического довольства после долгой муки. Лицо у него было такое светлое! Он долго и вдумчиво смотрел вниз по скату, вдоль моей аллеи и, наконец, рассмеялся.

– Как славно! – проговорил он, жмурясь и потягиваясь от приятного тепла, – а только вот что я думаю: дорогу-то расчищать мы начали, а куда мы по ней ходить будем? К озеру за водой? Хорошо. А сами где будем ночевать и прятать наши вещи? Под кустом или под телегой? Оно и не худо, пока вот так греет солнце. А без него мы бы намокли и замерзли.

– Да, Вася, – перебил я его, – пока тебя не было, я то же самое думал. Нам непременно нужно построить шалаш, хоть такой, чтобы там ночевать и прятать от дождя вещи. Ведь сам ты видел с дерева, какой огромный лес нас окружает, сквозь него нескоро дорогу проложишь, а ночевать нам всегда придется ходить сюда, чтобы не умереть без воды.

– Это вы верно рассудили, – согласился он, вскакивая с места, – ну так давайте строить! Далеко ходить незачем. Нарубим кольев, натаскаем их сюда, да и состряпаем шалаш. Очень уж полюбилось мне это место.

Я тоже встал. Мы взялись за топоры и стали рубить молодые сосны. Что это за милое дерево – сосна! Право, трудно себе и представить, что стал бы делать без их стройных, грациозных стволов наш брат, северный человек, из чего стал бы он ставить срубы своих домов, вытесывать доски на полы, крыши, двери...

Мы начали работу часа в три, судя по солнцу. Валили молодые сосны вершка в три в отрубе и сажени по две в вышину. Дело шло довольно скоро. Но упавшее дерево приходилось обчищать от ветвей и заострять толстый конец. Начало уже смеркаться, а мы едва успели натаскать к обрыву штук пятнадцать жердей.

Эту ночь пришлось опять провести под открытым небом. От озера неслись резкие звуки совиных окликов и повторялись тысячами отголосков. Близость воды предвещала, что вокруг нас будет пробегать немало зверей. Чтобы обезопаситься от них, мы расчистили на краю обрыва большой круг, развели два костра и легли между ними, а окорок взяли с собой, чтобы он не привлекал своим запахом медведей и волков.

К счастью, ночь стояла тихая и сухая. Мы уже несколько привыкли к ночным звукам леса; кроме того, нас обоих очень занимала наша будущая постройка, и мы проболтали допоздна, почти не обращая внимания на шорох и вой.

Но вдруг по лесу пронесся глухой, тяжелый топот, как будто крупной рысью несясь целый табун лошадей.

Я вскочил и оторопело схватился за ружье.

– Тише! Оставьте! – шепнул Вася, – это лоси бегут на водопой. Не надо их пугать теперь, – это соседство хорошее. Завтра пойдем и отыщем их тропу – тогда и подумаем, что делать.

Через некоторое время мы слышали, как стадо возвращается с водопоя, поболтали еще, подкинули хворосту в костры и заснули.

Вася разбудил меня с восходом сеянца. Костры уже потухли. Было довольно свежо.

– И отлично, сейчас согреемся, – сказал Вася и тотчас же взялся за топор.

До самого полудня мы рубили и таскали ветки, чтобы уложить их на шалаш. А пока я в свою очередь ходил на озеро за водою к обеду, Вася стал прочищать аллею и сделал гораздо больше, чем я вчера. Просека начинала принимать чрезвычайно живописный вид. Над нею сводом висели ветви высоких боковых деревьев, сквозь их листву сквозил солнечный свет, окрашиваясь в радужно-зеленый цвет, внизу, в просветах еще не срубленной чащи начинало то синеть, то серебриться зеркало озера. Все время обеда я с наслаждением смотрел под этот свод, созданный по моему замыслу.

Поевши, мы тотчас же принялись за шалаш, так как материал на него был уже заготовлен. Значительная длина кольев дала нам возможность сделать его достаточно высоким и широким, для того, чтобы можно было зажигать в нем костер даже тогда, когда мы были дома. Для выхода дыма мы оставили отверстие, как делают самоеды в своих юртах. В него мог попадать дождь, но лишь в незначительном количестве, да и то в огонь, в котором тотчас же и испарялся, а мы и вещи могли удобно скрываться под наклоном стен.

В этот день мы, разумеется, уже не имели времени отыскивать дорогу домой. Вечером, за ужином я сделал большой глоток из котелка и вдруг почувствовал, что у меня во рту очутилась улитка. Меня стало тошнить от отвращения.

– Нет, больше нельзя черпать воду в тростнике, – говорил я, с досадой отплевываясь, – и противно и заболеть можно! Бог знает, чего наглотаешься. Завтра же построим плот.

– Построим! – согласился Вася.

Когда я проснулся на другое утро, он уже был за работой – продолжал расчищать дорогу к озеру. Я взял топор и пошел к нему.

– Прежде чем возить что-нибудь по дороге, нужно ее сделать. А нам придется спустить сюда два добрых бревна, – объяснил он коротко.

Часа через два работы мы закончили расчистку аллеи и убрали срубленный хворост по сторонам. Когда я оглянулся, чтобы идти вверх, то не мог не умилиться милому, чистенькому и уютному виду аллеи. А наверху, на краю обрыва виднелся вход в наш шалаш и край ярко раскрашенного кузова нашей тележки. Я начинал уже любить это место, может быть, за тот труд, который уже положил на него.

Мы выбрали для плота два дерева одинаковой толщины и вышины, и Вася собирался уже рубить, когда я его остановил.

– Слушай, Вася, подожди, – сказал я, – ведь это дело нешуточное, – не то, что по-вечерашнему рубить жерди. Если не будем осторожны, дерево может упасть и задавить кого-нибудь из нас. Я где-то читал, что когда валят лес, надо выбрать сторону, на которой больше веток, и подрубить ее чуть-чуть, а потом зайти с противоположной, где веток мало, – у нас эта почти голая сторона всегда обращена на север, – и рубить совсем. Когда дерево станет падать, то тяжесть веток потянет его не в ту сторону, где стоит тот, кто рубит, а в противоположную.

– Что ж, это дельно! – серьезно согласился Вася, и мы принялись за рубку.

Но оказалось, что одолеть великана лет тридцати пяти или сорока было дело не легкое. Уже почти подрубивши его с обеих сторон, мы сообразили, что, падая, он запутается ветками в других деревьях и не долетит до земли. Чуть не с опасностью для жизни пришлось расчистить ему место, и уже потом снова приняться за него. Наконец дерево стало заметно клониться. Мы оба быстро отбежали. В воздухе раздался точно продолжительный стон, и великан с треском и шелестом рухнул на землю. Мы до вечера проработали над обрубанием и оттаскиванием его веток.

Весь следующий день мы с восхода солнца были заняты рубкой и очисткой второго дерева. Наконец, перед нами лежали две стройные балки, сажени по четыре длиною. Но они были сыры и очень тяжелы. Нести их на себе не было никакой возможности, катить, – не допускал лес. Но мы все-таки нашли выход. Из их же вершин мы нарубили несколько кругляшей,

приподняли бревно за конец и подложили под него один из них, – часть трения была устранена. Потом мы стали толкать его вперед, так что обрубок катился под ним и скоро был почти на половине длины, тогда мы подложили под передний конец остальные, и наконец тяжелое бревно покатилося на своих круглых подкладках, уже не касаясь земли. Но и при этом двигать его нам было очень тяжело, и приходилось радоваться, что обрыв был рядом, а с его наклона оно катилось так, что мы едва успевали подкладывать под передний конец оставшиеся позади катки.

К вечеру обе балки далеко протянулись одним концом в воду, а другой мы аршина на два вкопали в берег, чтобы плот не унесло волнением.

Очередной день ушел на рубку и подтаскивание к озеру нетолстых жердей, в сажень длинной. Из сотни таких перекладин, вершка по два в диаметре, образовался помост аршин в одиннадцать-двенадцать, по которому можно было свободно выходить за границу тростника. На концах балок Вася продолбил по дырке, вколотил стойки и устроил довольно прочные перила. Вид нашего берега принял еще более жилой вид. Теперь мы были обеспечены хорошей, свежей и здоровой водой, но не успели победить одну нужду, как пришла другая. Хлеб и ветчина вышли, а есть было необходимо.

Пришлось ходить на охоту. К счастью, это не представляло особенного труда – тростник кишел утками, а двух уток нам хватало на целый день. Одну мы варили в котелке на суп, другую жарили на вертеле. Этот вертел, большая драгоценность в нашем хозяйстве, был просто счастливой случайностью. Еще в то счастливое время, когда я жил дома, я как-то нашел железный прут и по своей страсти ко всякому оружию сделал из него подобие стилета. Я раскалил его докрасна в печке и в толстой березовой палке прожег им дырку, в которую он входил целиком, потом приделал к нему ручку. Убегая из дому, я взял эту палку с собой, а когда пришлось жарить в лесу утку, прут пришелся как нельзя кстати. Не обошлось сперва и без неприятностей. Когда я вращал прут за ручку, он скатился с камней, и моя первая утка вышла пестрая от ожогов об уголья и комков приставшей к ней золы. Но я нашелся, как помочь беде, – взял плотничий молоток и высек в камнях по достаточно глубокому желобку, которые удерживали концы вертела.

Таким образом, кое-как обеспечив себе первые жизненные потребности, мы снова возвратились к нашей главной мысли – прокладывать дорогу домой. Утром мы охотились, готовили обед, ели, брали с собой по куску утки и шли с топорами в руках, делая на деревьях большие зарубки так, чтобы от одного помеченного дерева ясно видно было другое. Но дело продвигалось очень медленно: за четыре дня самой добросовестной работы мы не прошли и двух верст, а между тем расстояние от нашего жилья все увеличивалось, на ходьбу до него требовалось больше времени, на работу оставалось меньше, да и заготовка пищи отнимала у нас каждое утро часа по четыре.

Оставаться ночевать в лесу, далеко от шалаша, было опасно, да и в любом случае пришлось бы каждый день ходить к озеру за водою. Мы решили запастись в один день провизией на несколько следующих. Дичи в лесу было так много, что исполнить это было легко. Утром мы набили штук шесть уток и тетеревов, а вечером, уже возвратясь с работы, зажарили их на костре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.